

Линь Юй с самого детства жил в уютной и теплой семье: любящие родители, выдающийся дядя и забавный питомец.

Хотя его родители погибли в войне за защиту Империи, любовь, которую они ему подарили, навсегда осталась в его сердце, заставляя его вечно ждать от жизни чего-то прекрасного.

Он даже мечтал о своем будущем муже — тот непременно должен быть добрым и нежным человеком.

В первые дни после свадьбы всё так и было.

Но со временем всё изменилось.

Цзи Цинтянь вовсе не был человеком, привыкшим следовать правилам, иначе он никак не смог бы в столь юном возрасте стать ключевой фигурой в Империи.

Он жаждал острых ощущений и наслаждался тем опьяняющим удовольствием, которое они приносили.

В этот день Цзи Цинтянь вернулся домой очень рано, с сияющей улыбкой на лице. Линь Юй еще утром видел по телевизору, как его мужа избрали председателем совета.

Совет, императорская власть и военные составляли три ветви власти, разделенные между собой, так что теперь его муж стал поистине великим человеком во всей Империи.

И хотя минувшей ночью муж изрядно его измотал, из-за сегодняшних хороших новостей Линь Юя все же позвали в кабинет супруга.

Цзи Цинтянь был искренне счастлив. Он медленно прошелся по кабинету круг за кругом, его шаги были легкими и в то же время твердыми.

Наконец-то дождался этого дня. Теперь совет крепко зажат в моих руках, и отныне никто больше не сможет меня шантажировать — включая твоего отвратительного дядю, — громко рассмеявшись, Цзи Цинтянь бросил на Линь Юя острый взгляд.

Сердце Линь Юя пропустило удар. Ощущение, будто хищник уставился на свою добычу, заставило его почувствовать себя так, словно он сидит на иголках, и холодный пот вмиг насквозь пропитал его одежду.

Цзи Цинтянь приблизился к Линь Юю, подцепил пальцем его изящный белоснежный подбородок и принялся поглаживать его теплое уступчивое ухо.

Наклонившись к самому его уху, он тихо произнес:

— Не бойся. Разве на свете бывает жена, которая боится собственного мужа? Я же не какой-то свирепый преступник, мы ведь еще прошлой ночью лежали в одной постели, сплетясь телами. Услышав его слова и вспомнив вчерашний безумный, доведённый до полного изнеможения напор, Линь Юй испугался ещё сильнее, но его загромок под воздействием феромонов Цзи Цинтяня слегка занесло жаром.

Цзи Цинтянь вздохнул, отпустил его подбородок и вместо этого обнял за тонкую талию.

— Эх, хоть сердечко моё любимое создание и боится, тело его при этом предельно честно, — протянул он. — Что тут скажешь? И впрямь истинный омега: стоит лишь подстегнуть феромонами с высокой степенью совместимости, как тело от радости едва ли не с ума сходит.

Он ещё крепче прижал к себе тонкую талию Линь Юя, судя по всему, оставшись крайне доволен его фигурой, а затем глубоко втянул носом воздух у него на плече и на шее. После стольких непрерывных движений даже в нём самом неизбежно проснулось нетерпеливое желание.

В течение всего этого времени Линь Юй, подавленный его неистовыми феромонами, не произнёс ни единого слова. Он лишь молча опускал голову, безмолвным упорством выражая свой протест.

Цзи Цинтянь внезапно немного рассердился: он тут так старательно разыгрывает представление, а зритель не должен проявлять хоть какую-то реакцию.

Сдерживая собственные порывы, он усмехнулся Линь Юю:

— Давай-ка сделаем вот как. Раз ты так сильно любишь мужа, то муж больше всего любит твои губы — такие алые и красивые. Я так выразился, ты ведь понимаешь, о чём я?

Линь Юй был традиционным омегой, с детства выросшим в тихой и мирной обстановке, и его положение никоим образом не позволяло ему заниматься подобными вещами.

Поэтому он мог лишь дрожащими губами тревожно спросить:

— Нельзя ли не здесь? Я тоже не хочу прибегать к такому способу.

Цзи Цинтянь рассмеялся ещё веселей:

— Жёнка моя, жёнка, с чего ты вдруг такое дитя? Неужели ты думаешь, что это возможно?

Как именно всё происходило, Линь Юй уже и забыл, но в тот день Цзи Цинтянь его не пощадил. Они прошли через всё до конца, и Цзи Цинтянь, выплеснув накопившееся, ушёл.

Скукожившись на полу, с телом, сплошь покрытым грязью, Линь Юй с горькой печалью в сердце подумал: «Папа, мама, Юй-Юй сейчас похож на брошенную кем-то собачонку».